

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика и морфология. — Л., ЛО изд-ва «Наука», 1972. 322 стр.

Монография А. Н. Жуковой является результатом ее многолетних исследований фонетического и грамматического строя корякского языка. Это исследование базируется в основном на материалах, собранных самим автором во время неоднократных экспедиций в Корякский национальный округ (см. «Введение») и характеризуется не только богатством анализируемых в нем фактов корякского языка, но и серьезной теоретической основой.

В монографии А. Н. Жуковой получены новые результаты по сравнению с предшествующими исследованиями в том, что касается характеристики, прежде всего, грамматической природы слов и частей речи и отчасти фонетического строя корякского языка.

В первой части «Фонетика. Фонология» дается описание системы звуков корякского языка, рассматривается его фонемный состав, дистрибуция фонем, сингармонизм и явления ассимиляции, а также слоговая структура слова и ударение. Здесь, в частности, уточняется фонемный состав корякского языка. А. Н. Жукова в отличие от предшествующих исследователей не считает фонемами гортанный смычный [?] и неопределенный гласный ^э (стр. 16—19). Поскольку гортанный смычный не играет в корякском языке смысловозначительной роли и отсутствуют минимальные пары, члены которых противопоставлялись бы по наличию и отсутствию гортанного смычного, с положением о его нефонематическом статусе можно согласиться. Что же касается ^э, то, судя по примерам, приведенным А. Н. Жуковой (стр. 17), в корякском языке есть минимальные пары, члены которых различаются по наличию и отсутствию этого гласного (например: *уэллэл* «жара» — *уиллил* «лед») и, следовательно, этот гласный играет смысловозначительную роль, т. е. обладает статусом фонемы.

Вторая, наиболее объемистая часть рецензируемой книги — «Морфология». Специальный раздел посвящен морфологической структуре слова корякского

языка. Здесь выделяются строевые элементы слова, различные типы морфем и различные виды моделей слов в зависимости от состава включаемых в них строевых элементов, а также способы словообразования.

В этом разделе, в частности, представляет интерес анализ так называемых конфиксов — это такое сочетание префикса и суффикса, оформляющих одну основу, которое используется для выражения одного грамматического (или лексического) значения (стр. 54—57).

При анализе словообразовательных процессов в корякском языке в монографии используется метод, называемый А. Н. Жуковой вслед за В. П. Старинным сводным морфологическим анализом. Применение этого метода направлено на выявление реального процесса словообразования и компонентов, участвующих в каждом конкретном акте словообразования, а не морфемного состава слова, возникшего в результате этого акта словообразования. Заслуживает внимания стремление автора разграничить эти принципиально различные явления.

В этом же разделе А. Н. Жуковой пересматривается вопрос о составе частей речи в корякском языке, а в последующих разделах дается детальная их характеристика, так же как их отдельных лексико-грамматических разрядов.

Следует прежде всего отметить, что в рецензируемой книге, в отличие от предшествующих исследований по чукотско-камчатским языкам, обосновывается наличие в корякском языке прилагательного как особой части речи с различными лексико-грамматическими группировками (качественные, относительные прилагательные и слова, обозначающие качественное состояние). К качественным прилагательным автор относит слова с конфиксом *ны* — *ҕин(а)* / *ҕэн* (а), обозначающие «постоянный признак предмета и все качества и свойства предметов, воспринимаемые непосредственно органами чувств...» (стр. 146). Аналогичные образования в чукотском языке рассматриваются как один из разрядов имен

качественного состояния¹, занимающих промежуточное положение между именными частями речи и глаголом. В корякском этот разряд слов образуется от основ самой различной семантики (от основ со значением качества — типа *ны-майың-ҕин* «большой», от основ существительных — типа *ны-ҕалыгы-ҕэн* — «морозный», ср. *ҕалыгы* «мороз», от основ наречий — типа *ны-юлеҕ-ҕин* «продолжительный», ср. *юлеҕ* «долго», а также от основ переходных и непереходных глаголов) и характеризуется только именными категориями (лица и числа, а также падежа), поэтому, по-видимому, есть основания квалифицировать его как разряд прилагательных. В принципе те же основания позволяют рассматривать в качестве относительных прилагательных «слова, обозначающие признак предмета по его отношению к другому предмету, признаку или действию» (стр. 156) и образованные при помощи суффиксов *-ин(а)/-эн(а)*, *-кин(а)/-кэн(а)* и конфикса *аа-/аа-—лин(а)/-лэн(а)* от основ с различной категориальной семантикой (существительных, местоимений, наречий, глаголов). Вместе с тем едва ли можно согласиться с включением в состав прилагательных слов, обозначающих качественное состояние (стр. 166—172), которые образуются от основ качественных прилагательных и наречий при помощи конфикса *а-/а-—ка-/ка*.

Образования этого типа являются неизменяемыми и выступают только в функции сказуемого в отличие от качественных и относительных прилагательных, которым свойственна не только предикативная, но и атрибутивная функция.

В монографии пересматривается и состав некоторых других частей речи. Так, в отличие от ранее высказанной точки зрения о принадлежности слов с суффиксом *-ла'* к причастиям, А. Н. Жукова включает их как особый лексико-грамматический разряд («имя деятеля») в состав существительных, так как им свойственны те же грамматические категории и синтаксические функции, что и другим существительным (стр. 137—144).

В теоретическом отношении особый интерес представляет раздел «Грамматики», в котором рассматриваются слова-заместители и в особенности — с основами *никэ-/нэка-*, *нийкэ-/нэйка-*, *-еҕ/-аҕ*: они замещают в корякском языке не только имена, но и глаголы и другие части речи.

Как отмечает А. Н. Жукова, «заместительные слова в корякском языке представляют собой как бы микросистему частей речи с ограниченным лексическим составом, сформировавшуюся на основе

необходимости представления в связной речи каждого из членов предложения.

Так, словоформы с основами *никэ-/нэка-* и *нийкэ-/нэйка-* в своей совокупности охватывают систему морфологии корякского языка, представляют по существу модель морфологической системы» (стр. 183).

Возможность использования одной и той же основы в функции самых различных частей речи при соответствующем словоизменительном оформлении каждой из них наглядно характеризует агглютинативную природу слова в корякском языке и отсутствие резких разграничительных линий между частями речи в языках того типа, к которому принадлежит корякский язык.

Можно согласиться с автором в том, что «заместительные слова в корякском языке представляют собой не особый грамматический класс слов (часть речи), а систему специализированных по семантике и синтаксической функции слов, обеспечивающих надежную связь слов в предложении при любых условиях, в частности при „лексической недостаточности“, вызванной тем, что нужное слово с конкретной лексической семантикой не может быть произнесено, а также при своего рода „лексической избыточности“, когда слово с конкретной лексической семантикой только что употреблялось или хорошо известно участниками речевого акта» (стр. 182—183). Иначе говоря, слова-заместители в корякском языке, видимо, следует рассматривать как некую грамматическую группировку слов, не имеющих номинативного значения. Эта группировка как бы надстраивается над системой частей речи, каждую из которых составляют слова с вещественными значениями.

В этом отношении корякский язык обнаруживает сходство с нивхским и некоторыми языками юго-восточной Азии (например, китайским)², где также вы-

¹ См.: П. Я. Скорик, Грамматика чукотского языка. Ч. 1, М.—Л., 1961, стр. 421 и сл.

² См.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка. Ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 225—228; А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, М.—Л., 1952, стр. 13. А. А. Драгунов объединяет слова-заместители китайского языка в одну особую часть речи. Поскольку морфологические различия между отдельными группировками слов-заместителей в китайском как языке аналитическо-агглютинативного типа оказываются значительно меньшими, чем, например, в нивхском или корякском языках, являющихся языками синтетическо-агглютинативного типа, такое их объединение представляется возможным. Вместе с тем следует иметь в виду, что в китайском языке слова-заместители в отличие от знаменательных частей речи не имеют номинативного значения.

деляются группировки слов с самым абстрактным (категориальным) значением: такие лексемы, замещающие в определенных ситуациях слова с вещественными значениями, имеют ту же морфологическую природу, что и замещаемые ими слова.

В плане характеристики корякского как языка синтетическо-агглютинативного типа представляет интерес рассматриваемый в «Грамматике» факт наличия здесь такого рода морфем, которые, во-первых, сочетаются со словами, принадлежащими к различным частям речи, а, во-вторых, по своему значению занимают как бы промежуточное положение между словообразованием и словоизменением. К такого рода морфемам относятся суффикс *-к*, образующий местный падеж имени и инфинитив, суффикс *-н*, образующий дательный падеж имени и форму супина (стр. 262), префикс *эм-/ам-* со значением ограничения, префикс *пл-* ~ *пч-* со значением, приблизительно соответствующим русскому слову *ведь*, и некоторые другие (стр. 292 и сл.). Наличие такого рода морфем в корякском языке также свидетельствует о сравнительно слабом противопоставлении различных частей речи в отличие, например, от языков синтетическо-флективного типа, где границы между различными частями речи оказываются более четкими.

Таким образом, при описании морфологического строя корякского языка в монографии выявлены такого рода факты, которые имеют существенное значение для типологической характеристики этого языка.

В «Грамматике» дается подробное описание грамматических категорий всех частей речи и вносится ряд уточнений по сравнению с предшествующими работами. Так, в частности, устанавливается, что так называемые прошедшее I и прошедшее II различаются не по временному признаку, а по модальности (стр. 198).

Несомненным достоинством работы А. Н. Жуковой является также то, что описание фонетического и грамматического строя корякского языка дается в сопоставлении с другими языками чукотско-камчатской группы и прежде всего с чукотским. Наконец, в качестве положительной стороны работы следует отметить и то, что применяемые в ней методы исследования языкового материала автор в большинстве случаев стремится эксплицировать.

Вместе с тем, точка зрения автора на некоторые грамматические явления представляется спорной или недостаточно обоснованной. По мнению А. Н. Жуковой, в корякском языке категория вида отсутствует, а есть лишь категория Aktionsart. «Обозначение способа протекания действия (многократность/однократность, длительность/мгновенность, интенсивность/неполнота проявления

действия), — пишет она, — не сказывается на словоизменении глагола, а является одним из типов образования основ глагола с дополнительным лексическим значением. Поэтому мы не вводим в число грамматических категорий глагола категорию вида, но отмечаем при описании образования основ глаголов суффиксы, служащие для выражения различий в способе протекания действия (Aktionsart)» (стр. 195). Разграничение Aktionsart и грамматической категории вида разработано на материалах прежде всего славянских языков, являющихся языками флективного типа, и по отношению к этим языкам оно имеет реальные основания: 1) если различие по виду имеет грамматический характер и осуществляется в пределах одного лексического значения, то противопоставление глаголов по Aktionsart носит словообразовательный характер (противопоставляются две различные лексемы); 2) аффиксы, выражающие тот или иной Aktionsart, являются словообразовательными морфемами; 3) противопоставление глаголов по признаку Aktionsart не имеет тотального характера или во всяком случае не охватывает подавляющей массы глаголов, и осуществляется лишь в пределах ограниченных лексических группировок; 4) категория вида в славянских языках надстраивается над категорией Aktionsart. Так, например, в русском языке в образовании совершенного вида участвует около двадцати приставок, из них лишь некоторые не изменяют лексического значения глаголов и передают только одно видовое значение (*делать* — *с-делать*), а остальные, выражая видовое значение, одновременно изменяют и лексическое значение глагола, указывая на тот или иной способ совершения действия. Исторически категория вида в русском языке возникла путем обобщения лексических значений, передаваемых многочисленными приставками, суффиксами и другими способами, выражающими различные разновидности Aktionsart.

Анализ соответствующих явлений в языках синтетическо- или полисинтетическо-агглютинативного типа — таких, как тюркские, монгольские, некоторые палеоазиатские и другие, — показывает, что в них следует разграничивать факты двойного рода. С одной стороны, как и в индоевропейских языках и, в частности — славянских, в этих языках есть случаи, когда различие по способу действия выражается словообразовательными средствами и охватывает лишь отдельные группы глаголов.

С другой стороны, в некоторых языках этого типа противопоставление по способу протекания действия носит грамматический характер, осуществляется в пределах одного лексического значения, и, как в случае оппозиции глаголов совершенного и несовершенного вида в русском языке,

оно охватывает подавляющее число глаголов. Сюда относятся, например, случаи выражения значений продолженности, законченности, многократности, обычности и других способов протекания действия в некоторых из этих языков, которые осуществляются посредством суффиксов или аналитическими формами глагола. При этом значения такого рода обычно выражаются у всех глаголов одними и теми же средствами. В частности, в этой связи можно сослаться на нивхский язык, в котором выражение такого типа значений имеет достаточно универсальный характер, охватывая основную массу глаголов³.

Как отмечает А. Н. Жукова, в корякском языке «... при образовании основ глаголов посредством присоединения к исходной основе одного (реже — нескольких) из серии аффиксов, служащих для характеристики способа протекания действия, ...обнаруживается почти грамматическая регулярность» (стр. 195). В другом месте она пишет: «Потенциально каждый из аффиксов может употребляться регулярно с большинством глагольных основ, но фактически сфера употребления сужена не только факультативностью характеристики, но и ограничивается как лексическим значением глагола, так и значением аффикса. Слова с суффиксами способа действия не обязательно существуют в языке как готовые словарные единицы. Они весьма свободно создаются в контексте» (стр. 216—217).

Таким образом, и в корякском языке выражение различия по способу протекания действия — многократности/однократности, длительности/мгновенности, интенсивности/неполноте проявления действия — имеет скорее словоизменительный, а не словообразовательный характер, поскольку противопоставления по этим значениям осуществляются в пределах одного и того же лексического значения и эти грамматические значения выражаются если не тотально, по всем глаголам, то, по крайней мере, охватывая их основную массу.

Очевидно, что в этом и подобных случаях формы глагола, выражающие различные способы протекания действия, образуют грамматическую категорию. Такого рода грамматическая категория отличается от грамматической категории вида в славянских языках лишь набором частных грамматических значений — в славянских языках, в отличие от рассматриваемых языков, эту грамматическую категорию образуют значения совершенности и несовершенности действия. Имеется здесь также различие в характере противопоставления частных грамматических значений, например, в силу наличия в агглютинативных языках ней-

трального значения и факультативности выражения маркированных конкретных значений способа протекания действия.

Думается, что такого рода отличия грамматической категории, характеризующей способ протекания действия во многих агглютинативных языках и в том числе корякском, от категории вида в славянских языках не могут служить основанием для того, чтобы отказаться от рассмотрения первой в качестве категории вида. При этом следует также учитывать, что такого типа грамматическая категория, выражающая способ протекания действия имеет более широкое распространение в языках мира, чем та грамматическая категория вида, которая сформировалась в славянских языках.

В рецензируемой «Грамматике» выделяется два типа модальности: 1) «модальное значение отношения содержания высказывания к действительности, получающее парадигматическое выражение в системе форм глагола» и определяемое как наклонение глагола с тремя его разновидностями — изъявительным, повелительным и сослагательным (или условным) (стр. 199); 2) модальное значение отношения говорящего к содержанию высказывания, имеющее три разновидности — категорическое, проблематическое и неочевидное значения (там же). Этот тип модальности также получает выражение в синтетической форме глагола.

Далее утверждается, что первый тип модальности, т. е. наклонение, основан на противопоставлении достоверности/недостоверности, а второй ее тип — на категоричности/некатегоричности суждения говорящего (стр. 200). Такая трактовка категории модальности в корякском языке не представляется обоснованной. В самом деле, если считать, что первый тип модальности (наклонение) основан на противопоставлении достоверности/недостоверности, то он будет полностью включать второй тип модальности, так как категоричность/некатегоричность суждения говорящего и есть выражение степени достоверности высказывания с точки зрения говорящего.

Представляется спорным также положение о том, что изъявительное наклонение глагола само по себе без дополнительных формантов имеет значение категоричности (стр. 200), в то время как проблематичность и неочевидность в изъявительном наклонении передаются особыми формантами. По-видимому, изъявительное наклонение, если оно не включает дополнительных формантов, выражает простую достоверность, а категорическая достоверность содержания высказывания при глаголе в изъявительном наклонении передается модальными словами типа *лыгыҕэйли* (стр. 287).

Вызывают возражения и некоторые другие положения и отдельные формулировки монографии, касающиеся харак-

³ См.: В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., ч. II, М.—Л., 1965, стр. 64—79.

теристики категории модальности в корякском языке. Так, например, к модальным словам, передающим различные оттенки вероятности, автор относит не только слова, выражающие сомнение, неуверенность в совершении действия, но и слова со значением желательности или запрета производить действие (стр. 286); к модальным словам, выражающим мнение говорящего об отношении содержания высказывания к действительности, в монографии причисляются слова со значением отрицания и отрицания-запрета наряду со словами, характеризующими степень достоверности содержания высказывания с точки зрения говорящего (стр. 287); среди средств, выражающих модальные значения, в «Грамматике» называются междометия (стр. 289).

Таким образом, объем и содержание категории модальности в корякском языке, типы модальных значений и их роль в модальной характеристике предложения, способы их выражения, соотношение синтетических и аналитических способов их выражения, соотношение категорий модальности и наклонения требуют дальнейших исследований, и их анализ, данный в «Грамматике», нуждается в существенных уточнениях.

Следуя традиции чукотско-корякского языкознания, А. Н. Жукова выделяет два типа склонения в корякском языке. При этом первое и второе склонения имеют одни и те же падежные суффиксы (стр. 95), и различие между ними сводится к тому, что во втором склонении нет творительного и комитативных падежей, а во всех остальных косвенных падежах между основной и падежным суффиксом вставляется суффиксированный артикль *-на/-на* в ед. числе, *-йык(a)* во мн. числе, выражающий значение определенности. В связи с этим возникает вопрос, насколько правомерно выделять два типа склонения, если различие между ними не связано с различием падежных суффиксов, обслуживающих одни и те же падежи, как это имеет место во флективных языках типа русского.

Основываясь на том, что форма выражения значений абсолютного падежа, ед. числа и 3-го лица у имени имеет синкретический характер (тем самым уподобляясь грамматическим формам флективных языков), А. Н. Жукова полагает, что «это обстоятельство косвенно свидетельствует... о некоторой однородности грамматической категории падежа, числа, лица в корякском языке» (стр. 96). Очевидно, однако, что сам по себе факт синкретичности формального выражения различных грамматических категорий не дает оснований говорить об однородности этих грамматических категорий тем более, что в корякском языке каждая из этих категорий получает особое выражение в косвенных падежах, в дв. и мн. числах, в 1 и 2-м лицах.

Подробную и интересную разработку получила в «Грамматике» категория грамматического числа. Следует, однако, отметить, что автором выделены не все типы множественности, получающие формальное выражение в корякском языке. Так, судя по приведенным примерам, в корякском языке в пределах грамматической категории числа существует тип репрезентативной множественности, о котором ничего не говорится в монографии. Ср.: *Анянтэ пэлэтыгы'э ялк* «Бабушка (с внучкой) остались дома» (стр. 129) — здесь слово *аня* «бабушка» имеет форму дв. числа, хотя речь идет не о двух бабушках, а о бабушке с внучкой, т. е. в форме дв. числа выступает имя, обозначающее один из неоднородных членов множества, и этот член множества репрезентирует все множество, следовательно, оно как бы характеризуется по наличию в нем указанного члена множества.

Высказанные нами критические замечания не затрагивают основ «Грамматики». В целом рецензируемая монография вносит серьезный вклад в описание фонетического и грамматического строя корякского языка и дает немало материалов, которые должны быть учтены при разработке теоретических проблем грамматики.

В. З. Панфилов

A. Zaręba. Atlas językowy Śląska. — Kraków, Państwowe wydawnictwo naukowe, I — 1969; II, cz. 1 и 2 — 1970; III, cz. 1 и 2 — 1972.

Повышенный интерес к лингвистической географии характерен в последние десятилетия для славистики в целом: завершается работа по сбору материалов для Общеславянского атласа, подготовлены к изданию или уже изданы фундаментальные национальные атласы Бело-

руссии, Украины, Польши, Словакии, Лужицы, Болгарии. Весьма продуктивным оказалось это направление в фониетике, где оно имеет давнюю традицию, восходящую к предвоенным работам З. Штибера. М. Малецкого и К. Нича, Ю. Тарнацкого. В послевоенные годы